

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.
1916.

(съ 1 портретомъ и 7 таблицами).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линия, № 12.
1917.

H. R. ...

КАРЛЪ ГЕРМАНОВИЧЪ ЗАЛЕМАНЪ.

1849 — 1916.

30 ноября 1916 г. скончался академикъ Карлъ Германовичъ Залеманъ, состоявшій членомъ Русскаго Археологическаго Общества съ 29 октября 1882 г.

К. Г. родился 28 декабря 1849 г. въ Ревелѣ въ небогатой нѣмецкой семьѣ, принадлежавшей къ эстляндскому дворянству. Преніе представители семьи, переселившейся въ XVII в. изъ Германіи, большею частью были пасторами; отецъ К. Г., кончившій курсъ Дерптскаго университета дѣйствительнымъ студентомъ, былъ зачисленъ въ 1831 г. унтеръ-офицеромъ въ 1-ый морской полкъ, принималъ участіе въ усмиреніи польскаго возстанія и удостоился знака военнаго отличія, въ 1832 г. былъ произведенъ въ прапорщики, ко времени рожденія своего единственнаго сына былъ штабсъ-капитаномъ и исправляющимъ должность лѣсничаго, въ 1860 г. былъ уволенъ отъ службы подполковникомъ съ пенсіей 157 р. 25 к. въ годъ и вскорѣ послѣ этого назначенъ окружнымъ надзирателемъ эстляндскаго акцизнаго управленія¹.

Въ 1859 г. К. Г. поступилъ въ ревельскую Ritter-und Domschule, гдѣ кончилъ курсъ въ 1867 г. Школьнымъ товарищемъ К. Г. былъ баронъ В. Р. Розенъ; много лѣтъ раньше (1807—1810) въ той же школѣ учился Карлъ фонъ-Бэръ, который въ своей автобіографіи, составленной

¹ Свѣдѣнія заимствованы изъ формулярнаго списка К. Г., находящагося въ архивѣ Петроградскаго университета.

въ 1884 г., по случаю пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности, далъ подробный очеркъ исторіи школы, ея устройства и программъ преподаванія, причемъ проводилъ сравненіе между педагогическими идеалами начала XIX вѣка и 60-хъ годовъ, не всегда въ пользу послѣднихъ¹.

К. Фовъ-Бэръ не могъ не сознавать, что 60-ые года не только въ области педагогіи были переходнымъ временемъ для «Остзейскаго края», какъ тогда назывались прибалтійскія губерніи даже русскими. Въ своей автобіографіи² онъ посвящаетъ нѣсколько горькихъ строкъ положенію балтовъ, которыхъ называли русскими въ Германіи и нѣмцами въ Россіи, обвиняя въ сепаратизмъ и въ то же время не хотѣли допускать къ участию въ обще-русской жизни, считая это участіе вреднымъ съ точки зрѣнія прогрессивныхъ идеаловъ. Въ глазахъ Бэра лучшимъ исходомъ изъ этого противорѣчія было подняться «in die hellen und ruhigen Regionen des Lichtes», т. е. въ сферу стоящей выше національныхъ перегородокъ научной работы. Этотъ исходъ былъ доступенъ немногимъ, но даже эти немногіе не могли быть только учеными, не могли не подвергаться вліянію современныхъ имъ событій, когда въ одно и то же время создавалась новая Россія, призванная къ жизни реформами Александра II, и новая Германія подъ главенствомъ Пруссіи. Самъ Бэръ, по его собственному признанію³, во время своей службы въ Кенигсбергѣ незаметно для себя становился прусскимъ патриотомъ и охладѣлъ къ Пруссіи только подъ вліяніемъ начавшейся въ 30-хъ годахъ политической борьбы, не внушавшей ему симпатіи. Многими балтами прусскій патриотизмъ былъ усвоенъ болѣе прочно; нѣкоторые другіе, какъ бар. Розенъ, еще въ школѣ посвящавшій свободные часы самостоятельному изученію русскаго языка⁴, вошли въ составъ русскаго общества и перестали чувствовать себя инородцами. К. Г. не сдѣлалъ ни того ни другого, и до конца жизни оставался балтомъ и русскимъ нѣмцемъ, чужимъ въ Германіи (это извѣстно тѣмъ, кто видѣлъ его за границей или слышалъ его разговоры съ пріѣзжавшими въ Россію нѣмцами учеными) и не воплилъ своимъ въ Россіи. Въ Петроградѣ онъ былъ близокъ къ тѣмъ кругамъ, органомъ которыхъ была St.-Petersburger Zeitung, оставался до смерти членомъ совѣта нѣмецкой Екатерининской церкви, при чемъ принималъ особенно дѣятельное участіе въ обсужденіи школьныхъ вопросовъ, какъ ревностный сторонникъ классической системы⁵. Послѣ 1905 г. К. Г.

¹ Nachrichten über Leben und Schriften des Herrn Geheimrathes Dr. Karl Ernst v. Baer, mitgetheilt von ihm selbst. St.-P. 1865, S. 65 f.

² Ibid. S. 548 f.

³ Ibid. S. 387 f., 541 f.

⁴ Лично сообщено покойнымъ бар. Розеномъ автору этихъ строкъ.

⁵ Изъ рѣчи пастора надъ гробомъ К. Г.

примкнулъ къ нѣмецкой группѣ союза 17 октября и подписывалъ ея воззванія, составленныя на нѣмецкомъ языкѣ, хотя не вполне сочувствовалъ программѣ союза. Политическимъ идеаломъ К. Г., правда, выраженнымъ только въ частныхъ разговорахъ, было федеративное устройство Россійской Имперіи, съ самостоятельными представительными учрежденіями въ отдѣльныхъ областяхъ, въ томъ числѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ.

Какъ и бар. Розенъ¹, К. Г. еще въ школѣ занимался восточными языками (предметомъ занятій К. Г.² были санскритъ и такъ называемый зендъ, т. е. языкъ Авесты) и по той же причинѣ, какъ бар. Розенъ (желаніе посвятить себя изученію сравнительно мало изслѣдованной области), предпочелъ восточные языки классической филологіи. Этимъ было вызвано его поступленіе въ 1867 г. въ С.-Петербургскій университетъ, на единственный въ Россіи факультетъ восточныхъ языковъ, на разрядъ арабско-персидскій-турецко-татарскій.

Факультетъ, какъ было отмѣчено Н. И. Веселовскимъ въ некрологѣ бар. Розена³, переживалъ тогда блестящій періодъ по составу своихъ слушателей. Однимъ курсомъ старше К. Г. были бар. Розенъ, В. Д. Смирновъ и В. А. Тепловъ; товарищами К. Г. по курсу были М. И. Казась и Н. Н. Пантусовъ⁴. Менѣе удовлетворительно было преподаваніе языковъ, въ частности персидскаго, составлявшего предметъ специальныхъ занятій К. Г. Представителемъ кафедръ былъ А. К. Каземъ-Бекъ, преподаваніе котораго, имѣвшее въ виду только практическое изученіе языка, давно уже не соответствовало требованіямъ науки; послѣ его болѣзни и смерти въ 1870 г. преподаваніе было поручено сначала доценту Г. В. Мельгунову, потомъ С. И. Черняеву⁵. Съ другой стороны факультетъ располагалъ въ то время блестящимъ лекторомъ персидскаго языка въ лицѣ мирзы Ша-фи (1861—1878), о которомъ К. Г. вспоминалъ въ послѣдствіи какъ о рѣдкомъ знатокѣ своей родной литературы.

Во время прохожденія курса К. Г. не писалъ сочиненій на медаль и ограничивался выполненіемъ факультетскихъ требованій, причемъ его отмѣтки на переводныхъ испытаніяхъ только въ рѣдкихъ случаяхъ были

¹ Некрологъ бар. Розена, составленный Н. И. Веселовскимъ (отд. оттискъ изъ ЖМНПр. 1908 г.), стр. 4.

² По его curriculum vitae, составленному для магистерскаго диспута 1875 г. (въ дѣлахъ фак. В. яз.).

³ Указ. оттискъ, стр. 5.

⁴ О дальнѣйшей судьбѣ обоихъ см. Матер. для ист. фак., III, 59 сл. (цитируется по отпечатаннымъ листамъ; томъ ко времени составленія этого некролога еще не выходилъ въ свѣтъ).

⁵ Матер. для ист. фак., IV, 149.

выше¹, иногда ниже² отмітокъ его товарищей. Избранный имъ разрядъ не могъ удовлетворить его склонности къ чисто-лингвистическимъ занятіямъ; этимъ, по его собственнымъ словамъ³, объясняется, почему онъ кромѣ предметовъ своего разряда сталъ слушать лекціи проф. Коссовича по языкамъ санскритскому и «зевдскому» и проф. Патканова по армянскому. «Зевдскому языку» проф. Коссовичъ посвящалъ только одну лекцію въ недѣлю, и то не всегда⁴; пособіемъ на лекціяхъ служило изданіе проф. Коссовича: «Decem Sendavestae excerpta», которымъ въ первые годы своей преподавательской дѣятельности пользовался на своихъ лекціяхъ и К. Г.

Весной 1871 г. К. Г. кончилъ университетскій курсъ, сдавъ испытанія по двумъ разрядамъ, арабско-персидско-турецко-татарскому и санскритско-персидскому, причемъ его успѣхи были признаны отличными по всѣмъ предметамъ, кромѣ исторіи востока, русской исторіи и французскаго языка⁵. 25 мая имъ было подано прошеніе о назначеніи ему стипендіи для спеціальнаго изученія персидскаго языка. Факультетъ 29 мая постановилъ ходатайствовать объ оставленіи его на 5-ый годъ съ назначеніемъ стипендіи Министерства Народнаго Просвѣщенія и имѣть его въ виду осенью при назначеніи кандидатской стипендіи. 14 октября факультетомъ была разсмотрѣна кандидатская диссертация К. Г. «О составѣ и флексіи глаголовъ осетинскаго языка». Факультетъ призналъ диссертацию удовлетворительною, но располагалъ только одной кандидатской стипендіей, на которую имѣлись три кандидата: А. Стельснеръ (товарищъ бар. Розена и В. Д. Смирнова), Н. Н. Пантусовъ и К. Г.; большинствомъ 6 голосовъ противъ 4 стипендія была присуждена Н. Н. Пантусову. Въ 1872 г. стипендія освободилась за переходомъ Н. Н. Пантусова на службу въ Туркестанскій край и была присуждена К. Г. единогласнымъ постановленіемъ факультета 18 сентября.

Часть своей кандидатской диссертацин К. Г. обработалъ для печати и помѣстилъ въ 1874 г. въ «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung» подъ заглавіемъ: «Versuch über die conjugation im ossetischen». К. Г. оста-

¹ Такъ въ 1869 г. при испытаніи по азербиджанскому языку К. Г. получилъ 5, Казасъ и Пантусовъ по 4.

² Въ 1870 г. К. Г. получилъ по арабскому языку 4, по арабской литературѣ — 3 (Казасъ получилъ 4 и 5, Пантусовъ — 5 и 5), по татарскому языку — 4 (Казасъ и Пантусовъ по 5); особенно характерно, что въ томъ же году по персидскому языку К. Г. получилъ отмітку 4, оба его товарища — по 5.

³ Въ упомянутомъ curriculum vitae.

⁴ Такъ въ программахъ 1869—70 гг. упоминается только «сравнительная грамматика санскритскаго и зевдскаго языка», а не спеціальныя чтенія по зевдскому языку.

⁵ Дипломъ приложенъ къ формулярному списку К. Г. (въ университетскомъ архивѣ). Дальнѣйшія свѣдѣнія извлечены изъ факультетскихъ дѣлъ.

новился на формах спряженія потому, что въ нихъ яснѣе всего проявляется иранскій характеръ языка; отъ прежнихъ работъ статья К. Г. отличалась привлеченіемъ матеріаловъ по восточно-осетинскому діалекту (тогда называвшемуся тагаурскимъ)¹, обнародованныхъ въ 60-хъ годахъ. Работа прошла незамѣченной; имя К. Г. получило извѣстность въ ученомъ мірѣ только нѣсколько лѣтъ спустя, благодаря работамъ, обнародованнымъ имъ уже въ качествѣ приватъ-доцента университета.

Еще раньше, въ 1871 г., К. Г. вступилъ въ число членовъ Deutsche Morgenländische Gesellschaft, но, въ противоположность большинству русскихъ ориенталистовъ, въ томъ числѣ бар. Розену, не поѣхалъ учиться за границу, хотя начало 70-ыхъ годовъ было періодомъ блестящей дѣятельности нѣсколькихъ нѣмецкихъ иранистовъ: Рота въ Тюбингенѣ, Хауга въ Мюнхенѣ, де-Лагарда въ Геттингенѣ. К. Г. совершилъ свое первое заграничное путешествіе только въ 1887 г., уже академикомъ.

Послѣ окончанія университетскаго курса К. Г. занимался иранскими нарѣчіями подъ руководствомъ ориенталиста, стоявшаго внѣ факультета, но въ 1871 г. выдержавшаго магистерскій экзаменъ, П. И. Лерха. К. Г. сдалъ испытаніе на степень магистра персидской словесности въ мартѣ 1873 г., черезъ полгода послѣ полученія кандидатской стипендіи, и послѣ этого работалъ надъ магистерской диссертацией «Четверостишія Хаканія». Диссертация и приложенный къ ней литографированный текстъ были разрѣшены факультетомъ къ печатанію 23 ноября 1874 г., литографированіе было закончено 23 января 1875 г.; 16 марта того же года² состоялся диспутъ, при чемъ оппонентами должны были быть С. И. Черняевъ и бар. Розенъ; первый по болѣзни не явился, и вмѣсто него, какъ сказано въ протоколѣ публичнаго засѣданія факультета, «оппонировалъ декаиъ факультета орд. проф. В. В. Григорьевъ».

Вниманіе К. Г. остановилось на четверостишіяхъ Хаканія, вѣроятно, потому, что это сочиненіе могло быть издано по тремъ петроградскимъ рукописямъ; кромѣ того К. Г. придавалъ VI в. хиджры или XII в. по Р. Хр. большое значеніе въ исторіи персидской поэзіи, процвѣтанію которой содѣйствовали политическое распаденіе страны, соперничество мелкихъ династій и стремленіе каждой династіи возвысить блескъ своего двора. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ введенія къ диссертациі К. Г. и въ особенности изъ его

¹ О неправильности этого названія Ws. Miller въ Grundr. der iran. Phil., Bd. I, Anhang, S. 2.

² Указаніе на мѣсяць январь въ автобиографической запискѣ К. Г. (Биогр. словарь профессоровъ и преподав. И. Спб. унив., I, 258; Матер. для ист. фак. III, 58) — ошибка или опечатка. Утвержденіе К. Г. въ степени магистра послѣдовало только 28 апрѣля (формул. списокъ и Протоколы засѣд. совѣта И. Спб. унив., XII, 36).

рецензія на магістерскую дисертацію В. А. Жуковскаго¹ можно видѣть, какъ глубоко понималъ и какъ высоко цѣнилъ К. Г. персидскую поэзію; положенія къ его диссертаціи, однако, не содержатъ выводовъ эстетическаго или историко-литературнаго характера; говорится только о необходимости изученія персидскихъ поэтовъ для обогащенія «вмѣющихся пока у насъ грамматикъ и словарей персидскаго языка». Диссертація К. Г. осталась единственнымъ его трудомъ, посвященнымъ персидской поэзіи; послѣ этого на русскомъ языкѣ были еще двѣ работы о персидскомъ поэтѣ, именно магістерская диссертація В. А. Жуковскаго², защищенная въ 1883 г., и статья его же объ Омаръ-Хайямѣ (1897 г., въ «Сборникѣ статей учениковъ бар. Розена»); съ тѣхъ поръ до настоящаго времени въ русской научной литературѣ не было ни монографій о персидскихъ поэтахъ, ни магістерскихъ диссертацій по персидской словесности. Новоперсидская литература не нашла себѣ мѣста даже во «Всеобщей литературѣ» Корша и Кирпичникова.

Въ томъ же 1875 г. К. Г. приступилъ къ чтенію лекцій въ университетѣ, но не по персидской словесности, а по «зендскому» и пехлевійскому языкамъ. 5 и 8 ноября имъ были прочитаны пробныя лекціи на темы «О причинахъ разнообразія въ чтеніи и транскрипціи пехлевійскихъ письменъ» (по назначенію факультета) и «Краткій обзоръ исторіи древне-и средне-иранскихъ нарѣчій» (по собственному выбору); съ января 1876 г. онъ началъ читать лекціи для студентовъ и съ тѣхъ поръ до самой смерти ежегодно объявлялъ въ обозрѣніяхъ преподаванія курсы по языкамъ «зендскому» или авестскому³ и пехлевійскому (всего три или двѣ лекціи въ недѣлю), фактически не всегда читавшіяся. Лекціи К. Г. были обязательны только для студентовъ санскритско-персидскаго разряда, на которомъ далеко не всегда были слушатели, вслѣдствіе чего даже въ преподаваніи санскритскаго языка не всегда чувствовалась потребность⁴. Иногда, но не всякій годъ К. Г., въ университетѣ или у себя на дому (въ послѣднемъ случаѣ авестскіе или пехлевійскіе тексты иногда замѣнялись новоперсидскими)⁵, имѣлъ добровольныхъ слушателей въ лицѣ студентовъ, оставленныхъ при университетѣ и приватъ-доцентовъ, специально посвящавшихъ себя изученію иранской филоло-

¹ Въ ЖМНП, ч. 230, стр. II, отд. 160 сл.

² Али Аухадѣдинъ Энпері. Матеріалы для его біографіи и характеристики. Спб. 1883.

³ Неправильный терминъ «зендскій языкъ» употреблялся въ обозрѣніяхъ преподаванія до 1906—7 г. включительно, хотя К. Г. писалъ еще въ 1880 г., что «наша привычка называть языкъ Авесты зендскимъ лишена всякаго основанія, и правильнѣе называть этотъ языкъ просто авестскимъ.» («Всеобщая литература» Корша и Кирпичникова, I, 170).

⁴ Матер. для ист. фак., IV, 186 сл.

⁵ Пишущій эти строки слушалъ лекціи К. Г. весной 1895 г. (чтеніе «Висъ и Раминъ») ; видѣлъ съ Н. Я. Марромъ и С. О. Ольденбургимъ.

тія¹ или близкихъ къ ней отраслей востоковѣдѣнія. Въ послѣдній годъ своей жизни К. Г., въ связи съ образованіемъ при факультетѣ новаго разряда иранской филологіи, предполагалъ значительно расширить свою преподавательскую дѣятельность; но обстоятельства военного времени, значительно уменьшившія число студентовъ факультета, и болѣзнь К. Г. помѣшали осуществленію его плановъ. По отзыву всѣхъ своихъ слушателей, К. Г. былъ превосходнымъ преподавателемъ; тексты и грамматическія правила объяснялись имъ съ необыкновенною ясностью; при чтеніи текстовъ онъ всегда считался съ толкованіями восточныхъ комментаторовъ, хотя былъ далекъ отъ рабскаго подчиненія этимъ толкованіямъ; слушатели выносили изъ его лекцій отчетливое представленіе о духѣ языка и литературы. Помимо слушанія лекцій К. Г., многіе изъ молодыхъ ориенталистовъ пользовались его совѣтами, какъ ираниста и лингвиста; К. Г. всегда охотно соглашался читать корректуры чужихъ работъ и выполнялъ эту работу съ рѣдкимъ вниманіемъ; столь же охотно онъ сообщалъ молодымъ ученымъ свои мысли и собранный имъ научный матеріалъ², не придавая никакого значенія своему пріоритету.

Въ теченіе десяти лѣтъ, отдѣляющихъ избраніе К. Г. въ Академію (1886) отъ начала его преподавательской дѣятельности, вполне опредѣлился характеръ его научныхъ изслѣдованій. Авестъ и древне-персидскимъ надписямъ К. Г. посвятилъ только популярный очеркъ, вошедшій въ I томъ «Всеобщей литературы» Корша и Кирпичникова и составленный настолько удачно, что имъ болѣе 30 лѣтъ спустя могъ воспользоваться русский специалистъ по исторіи древняго Востока³. Послѣднія страницы того же очерка посвящены «иранской литературѣ отъ Александра Македонскаго до мусульманскаго вторженія», т. е. пехлевійской или средне-персидской, которой К. Г. занимался несравненно болѣе, но о которой не могъ и не хотѣлъ подробно говорить въ книгѣ, предназначенной для большой публики. По опредѣленію К. Г., пехлевійская литература «такъ пропитана схоластическимъ духомъ и жреческимъ педантизмомъ, что занятіе ею не очень привлекательно... Кромѣ специалистовъ, врядъ ли кто интересуется этою литературою».

Мало привлекательная по содержанію, пехлевійская литература представляетъ большой интересъ для лингвиста; въ противоположность едва ли

¹ Однимъ изъ послѣднихъ по времени слушателей К. Г. былъ А. А. Ромаскевичъ, нынѣ прив.-доц. Петр. унив.

² Иниущему эти строки К. Г. передалъ выписанныя имъ изъ لغت شاهنامه Абдал-Кадира (до изданія этого источника) свѣдѣнія о встрѣчающихся у Фирдауси средне-азиатскихъ титулахъ и этнографическихъ названіяхъ.

³ Б. А. Тураевъ, Исторія древняго Востока, 2-ое изд., II, 213.

не всѣмъ другимъ передне-азиатскимъ литературамъ, переводы въ этомъ случаѣ были связаны съ меньшими затрудненіями и потому появлялись чаще¹, чѣмъ изданія текстовъ въ подлинномъ видѣ или въ звуковой транскрипціи. Именно эту цѣль — установленіе текста и его произношенія — ставилъ себѣ К. Г. въ своихъ работахъ надъ пехлевійскими рукописями, начиная съ прочитаннаго 24 августа 1876 г. на 3-мъ (петербургскомъ) международномъ съѣздѣ ориенталистовъ² доклада о зороастрійской рукописи, считавшейся тогда единственной въ Россіи. Докладъ былъ напечатанъ въ 1879 г. въ трудахъ съезда³ и положилъ начало ученой извѣстности К. Г. въ западной Европѣ; описаніе рукописи было признано настолько удачнымъ, что Э. Захау выразилъ пожеланіе, чтобы К. Г. было предоставлено возможность описать такимъ же образомъ всѣ зороастрійскія рукописи, находящіяся въ европейскихъ библіотекахъ⁴. К. Г.-чемъ, дѣйствительно, былъ задуманъ «Библиографическій обзоръ парсійскихъ рукописей, хранящихся въ Европѣ», для котораго имъ много лѣтъ собирались матеріалы⁵; въ 1879—80 гг. по его просьбѣ были выписаны въ библіотеку университета рукописи изъ Копенгагена⁶. Столь же выгодное для К. Г. впечатлѣніе произвелъ разборъ надписи на пехлевійской монетѣ, напечатанный имъ въ 1879 г. въ *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*⁷.

Докладъ о зороастрійской рукописи былъ первой работой К. Г., напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ въ Россіи. Уже въ этой работѣ мы находимъ ту своеобразную орфографію, которой К. Г. потомъ упорно придерживался до конца жизни, но которая не допускалась редакторами и корректорами въ работахъ, печатавшихся въ Германіи. Пишущему эти строки сообщаютъ, что К. Г. усвоилъ себѣ такую орфографію еще въ школѣ, подъ влияніемъ своего учителя нѣмецкаго языка. Принципы этой орфогра-

¹ По поводу переведеннаго Nöldeke «Карнамака» К. Г. неоднократно (Wiss. Jahresberichte über die Morgenl. Studien, 1878, S. 141; Mém. Asiat. IX, 208) выражалъ пожеланіе, чтобы за переводомъ послѣдовало изданіе текста; текстъ былъ изданъ только въ 1896 г. въ Индіи. Столь же тщетно было пожеланіе самого Нельдеке (Grundr. der iran. Phil. II, 134) по поводу переведеннаго Рейгеромъ Yātkāri Zarīrān: «Hoffentlich schenkt uns der Uebersetzer bald auch eine Textausgabe!».

² Труды съезда, I, стр. LXXVII.

³ Ibid., II, 491—502 (ст. 3 табл.).

⁴ Такъ по запискѣ объ избраніи К. Г. въ Академію, представленной въ 1886 г.

⁵ К. Г. Залеманъ, Донесеніе о результатахъ поѣздки, совершенной лѣтомъ 1889 года въ Копенгагенъ, стр. 2.

⁶ По формулярному списку К. Г. къ унив. архивѣ.

⁷ ZDMG XXXII, 511. Отзывъ Th. Nöldeke объ этой статьѣ приведенъ въ упомянутой академической запискѣ.

Фія восходять къ Якову Гримму; ороографія К. Г. довольно близко подходить къ ороографіи де-Лагарда.

Въ томъ же засѣданіи 3-го съѣзда ориенталистовъ русскимъ ориенталистамъ была поставлена еще другая задача: Э. Захау выразилъ пожеланіе, чтобы были изучены нарѣчія средне-азиатскихъ народностей иранскаго происхожденія. Учитель К. Г-ча П. И. Лерхъ отвѣтилъ, что начало этой работѣ уже положено; въ 1870 г. А. Л. Кунъ, состоявшій при экспедиціи ген. Абрамова, собралъ нѣкоторый матеріалъ по интересному нарѣчію жителей долины Ягноба, одного изъ притоковъ Заряфшана¹. Можетъ быть, подъ вліяніемъ Лерха, К. Г. усердно занялся этими матеріалами и въ 1884 г., черезъ посредство В. В. Радлова, представилъ въ Академію Наукъ основанные на этихъ и другихъ матеріалахъ² «Ягнобскіе этюды»; въ эти этюды онъ предполагалъ также внести новые матеріалы по ягнобскому языку, доставленные въ ту же университетскую бібліотеку, гдѣ находились матеріалы Куна, въ 1885 г. Г. А. Арендаренко и Н. И. Веселовскимъ, въ 1887 г. Е. Ф. Калемъ.

Едва ли не главной своей научной задачей К. Г. считалъ изученіе персидской лексикографической литературы, такъ называемыхъ «ферхенговъ». Свои взгляды на этотъ предметъ К. Г. выразилъ въ 1884 г. въ рецензіи³ на появившіяся въ томъ же году «Persische Studien» де-Лагарда и въ 1887 году въ одной изъ своихъ первыхъ академическихъ работъ⁴. По цѣльности содержанія, по ясности и законченности выводовъ эти двѣ статьи, можетъ быть, превосходить всѣ другія работы К. Г.; кромѣ того въ нихъ болѣе всего отразилось его научное credo. К. Г. отмѣчаетъ медленность успѣховъ персидской филологіи послѣ Вуллера, отмѣчаетъ также несправедливость нападокъ на этого ученаго, раздававшихся со стороны тѣхъ, кто имѣлъ возможность извлекать для себя уроки не только изъ достигнутыхъ имъ результатовъ, но и изъ его ошибокъ. Вполнѣ опредѣленно высказывалъ свое отвращеніе къ самоувѣренному невѣжеству, выдающему себя за знаніе, К. Г., въ противоположность господствовавшему тогда среди нѣмецкихъ и другихъ ориенталистовъ рѣзкому полемическому тону⁵, ста-

¹ Труды съѣзда, I, стр. LXXIX сл. (гдѣ по ошибкѣ А. А. Кунъ).

² О нихъ ср. слова К. Г. въ ЗВО III, 128 сл. и Вост. Запѣткахъ (1895), стр. 272.

³ Litteraturblatt für orient. Philologie. 1884, S. 74—86.

⁴ Bericht über die Ausgabe des Mi'jār i Jamāl (Mél. Asiat. IX, 417—594=Bulletin, XXXI, 255—376). Представлено 17/29 ноября 1887, напечатано въ 1888 г.

⁵ Ср. рѣчь Г. Ролинсона на лондонскомъ съѣздѣ (1874) о genus irritabile ориенталистовъ; объ этомъ Fr. Veit, Festschrift zur Haug-Feier, 1909, S. 82. Ср. Report of the proceedings of the second intern. congress of orientologists, Lond. 1874, p. 56; Transactions of the second session of the intern. congress of orientologists, Lond. 1876, p. 445.

рается отдать справедливость каждой научной заслугѣ, каждому искреннему стремленію къ правдѣ.

Рѣзкость нападокъ де-Лагарда на иранистовъ вообще и петербургскихъ въ частности не помѣшала К. Г. по достоинству оцѣнить его научныя заслуги и ограничиться пополненіемъ собранныхъ имъ свѣдѣній по персидской лексикографіи данными о петербургскихъ рукописяхъ. К. Г. считалъ нужнымъ подчеркнуть, какой богатый матеріалъ по персидской филологіи, ждущій научно подготовленныхъ изслѣдователей, вмѣстѣ въ Россіи. Въ своей академической работѣ К. Г. называетъ изданіе и изученіе первоисточниковъ персидской лексикографической традиціи «одной изъ прекраснѣйшихъ задачъ персидской филологіи»¹; только всестороннее изслѣдованіе этой туземной традиціи, по мнѣнію К. Г., создастъ почву для дальнѣйшаго изученія языка въ Европѣ. Чтобы положить начало выполненію этой задачи, К. Г. составилъ хронологическій списокъ ферхенговъ, какъ дошедшихъ до насъ, такъ и извѣстныхъ только по названію. Съ тѣхъ поръ издавы нѣкоторыя сочиненія, тогда оставшіяся въ рукописи, найдены нѣкоторые памятники, тогда считавшіеся утраченными, но вообще работа К. Г. вполне сохраняетъ свое значеніе до настоящаго времени.

К. Г. намѣтилъ къ изданію одинъ изъ старѣйшихъ ферхенговъ معيار جمالی Шемса Фахри, по рукописи Азіатскаго Музея, впервые имъ опредѣленной (до тѣхъ поръ трудъ считался утраченнымъ). Для этого изданія имъ выписывались въ университетъ рукописи двухъ другихъ словарей изъ Императорской Публичной Библіотеки и рукопись другого сочиненія того же автора изъ Вѣны²; текстъ былъ отпечатанъ въ Казани въ 1885 г., выпущенъ въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1887 г.³

Въ трудѣ де-Лагарда, кромѣ лексикографической литературы, было обращено вниманіе еще на другую категорію важныхъ для лингвиста памятниковъ—на литературу персидскихъ евреевъ. Рецензія К. Г. и въ этомъ случаѣ внесла нѣкоторыя дополненія въ данныя, собранныя у де-Лагарда; впоследствии, уже будучи академикомъ, К. Г. посвятилъ еврейско-персидской литературѣ цѣлый рядъ трудовъ.

Несмотря на свои труды въ области иранской филологіи, К. Г. находилъ время для занятій еще другимъ восточнымъ языкомъ. Имъ были переведены на татарскій языкъ для Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества Евангелія отъ Матѳея (1882) и отъ Марка (1886). Готовясь

¹ Eine der schönsten aufgaben, welche der persischen philologie zu erfüllen ob ligt (Mél. Asiat., IX, 431).

² Такъ по формулярному списку К. Г. въ университетѣ.

³ Shams i Fachrii Ispahanensis lexicon persicum, fascic. prior, Casani 1887.

къ этой работѣ, К. Г. лѣтомъ 1880 г. испросилъ себѣ отпускъ въ «Казанскую и другія губерніи»¹; въ Казани преподавателемъ его былъ² одинъ изъ отцовъ современнаго татарскаго литературнаго языка Кайюмъ Насыровъ³ (собств. Абд-ал-Кайюмъ, сынъ Абд-ан-Насыра).

Помимо чтенія лекцій, К. Г. въ эти годы занималъ должность сначала помощника библіотекаря, потомъ библіотекаря въ университетѣ. Къ библіотечнымъ залятіямъ его, повидимому, привлекъ его учитель П. И. Лерхъ, служившій въ университетской библіотекѣ съ 1866 г.⁴ К. Г. еще 11 августа 1875 г. отправилъ изъ Ревеля прошеніе о назначеніи его помощникомъ библіотекаря; второе прошеніе было подано имъ передъ баллотировкой 7 ноября, въ промежутокъ между двумя пробными лекціями⁵; баллотировка состоялась въ засѣданіи совѣта 24 ноября, при чемъ К. Г. былъ избранъ большинствомъ 24 голосовъ противъ 17⁶. Избраніе его на должность библіотекаря состоялось 25 октября 1879 г. большинствомъ 30 голосовъ противъ 13⁷. Библіотечныя занятія отнимая у К. Г. много времени, необходимаго для его научныхъ работъ, но вполнѣ соответствовали его наклонностямъ и принесли несомнѣнную пользу дѣлу; благодаря ему были составлены инвентари приобрѣтеній университетской библіотеки, начывая съ 1877 г., и списокъ восточныхъ рукописей, напечатанный въ настоящихъ «Запискахъ». Кроме того К. Г. воспользовался своей библіотечной службой для выполненія другихъ библіографическихъ работъ, въ особенности для ознакомленія западно-европейскаго ученаго міра съ русской научной литературой. Когда въ Германіи было рѣшено издавать, въ качествѣ приложения къ *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, ежегодные отчеты о работахъ по различнымъ отраслямъ востоковѣдѣнія, К. Г. составилъ три статьи для отчета за 1876—77 г. (*Centralasien; Neu-Iran; Armenien*) и двѣ статьи для отчета за 1878 г., вышедшаго въ свѣтъ только въ 1883 г. (*Central-Asien; Iran, Armenien und Kaukasusländer*). Въ первой статьѣ, по поводу книги Гладстона «*Bulgarian*

¹ По формулярному списку.

² По устному сообщенію В. В. Радлова, тогда находившагося въ Казани.

³ О немъ ЗВО, III, 101 и Н. Ашмаринъ, Очеркъ литер. дѣят. казанскихъ татаръ, Москва 1901, стр. 1 сл., 47 сл., также нѣсколько попытокъ характеристики его дѣятельности въ татарской литературѣ, напр., Джемал-ад-динъ Валидовъ, *تاتار ادبیاتینک بارشی*, стр. 53 сл. и статьи въ журналѣ *شورا* 1913 г., №№ 3, 8 и 10. Насыровъ скончался въ 1902 году, проживъ 77 лѣтъ.

⁴ В. В. Григорьевъ, Сиб. унив., стр. 394; прим. стр. 90.

⁵ По формул. списку.

⁶ Протоколы засѣд. сов., XIII, 39. Въ автобіографической запискѣ (Биогр. Слов. I, 258) и Матер. для ист. фак. III, 58 невѣрно указанъ февраль 1875 г.

⁷ Проток. засѣд. сов., XXI, 54.

horrors and Russia in Turkestan», упоминается о «не вполне несправедливомъ» осужденіи дѣйствій русскихъ при завоеваніи Туркестана. Слова К. Г. относятся къ одной изъ самыхъ печальныхъ страницъ исторіи завоеванія — кровавой расправѣ съ туркменами въ 1873 г.¹; за всю жизнь К. Г. это едва ли не единственный случай, что имъ было высказано въ печати мнѣніе о политическихъ событіяхъ. Знакомымъ К. Г. извѣстно, что онъ никогда не сочувствовалъ насильственному культуртрегерству европейцевъ на Востокѣ, можетъ быть, даже не понималъ его исторической необходимости; одинаково рѣзко осуждались имъ дѣйствія нѣмцевъ и ихъ тогдашнихъ союзниковъ во время усмиренія боксерскаго возстанія и дѣйствія итальянцевъ въ Триполи.

Къ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ вполне опредѣлилась ученая извѣстность К. Г., какъ разносторонняго лингвиста и одного изъ лучшихъ въ Европѣ иранистовъ, и на 37-мъ году жизни передъ нимъ открылись двери Академіи Наукъ. Академическое востоковѣдѣніе тогда переживало кризисъ; послѣ смерти Шифнера (1879), Броссе (1880), Дорна (1881) и ухода бар. Розена (1882) изъ прежнихъ академиковъ-ориенталистовъ оставался только О. Н. Бетлингкъ, и тотъ съ 1868 г. жилъ въ Германіи. Возрожденіе академическаго «разряда восточной словесности» въ значительной степени было заслугой В. В. Радлова, избраннаго академикомъ въ 1884 г. В. В. Радловъ старался привлечь въ Академію лучшія силы факультета восточныхъ языковъ, руководясь въ этомъ случаѣ совѣтами бар. Розена²; по совѣту бар. Розена, имъ были предложены и проведены въ 1886 г. кандидатуры сначала В. П. Васильева, потомъ К. Г. Записку о научныхъ заслугахъ К. Г. подписали, кромѣ составителя В. В. Радлова, О. Н. Бетлингкъ и В. П. Васильевъ. По мысли подписавшихъ записку, К. Г. долженъ былъ замѣнить въ Академіи, какъ иранистъ, скончавшагося Б. А. Дорна; не будучи иранистами, они обратились къ Т. Нельдеке съ просьбой высказать свое мнѣніе о предложенной ими кандидатурѣ. Нельдеке въ своемъ отвѣтѣ вполне присоединился къ сдѣланному составителями записки выбору и высказалъ свое убѣжденіе, что никакой другой кандидатуры и не могло бы быть предложено. К. Г. былъ избранъ единогласно 29 апрѣля 1886 г. въ Отдѣленіи историческихъ наукъ и филологіи, 16 августа въ Общемъ Собраніи; 27 сентября послѣдовало утвержденіе, и уже 28 октября К. Г. представилъ Отдѣленію свои *Mittelpersische Studien*.

Почти половину своей жизни — 30 лѣтъ — К. Г. посвятилъ Академіи,

¹ Объ этомъ, напр., М. А. Терентьевъ, Исторія завоев. Средней Азіи, II, 267 сл.

² Такъ по устному сообщенію самого В. В. Радлова.

горячо принималъ къ сердцу ея интересы и всѣми силами старался служить ей своими знаніями и опытомъ. Имъ былъ выполненъ и отчасти напечатанъ цѣлый рядъ работъ по иранской филологіи и нѣсколько работъ по туркологіи; какъ лингвистъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ выработкѣ академической транскрипціи, наблюдалъ за печатаніемъ транскрибированныхъ текстовъ по самымъ разнообразнымъ языкамъ; черезъ его руки прошелъ и былъ представленъ имъ къ напечатанію въ академическихъ изданіяхъ богатый матеріалъ по живымъ иранскимъ нарѣчіямъ, отъ языковъ курдскаго и осетинскаго до памирскихъ діалектовъ. Кромѣ своихъ специальныхъ познаній, К. Г. предоставилъ въ распоряженіе Академіи также свой опытъ въ дѣлѣ храненія и каталогизаціи книгъ, приобретенный въ университетской библиотекѣ; съ января 1890 г. онъ былъ директоромъ Азіатскаго Музея, съ ноября того же года кромѣ того директоромъ II Отдѣленія академической библиотеки (избраніе на эту должность заставило его отказаться отъ должности бібліотекаря университета). К. Г. заботился, насколько позволяли средства, о приобрѣтеніи рукописей для Азіатскаго Музея и о своевременномъ описаніи такихъ приобрѣтеній. Рядъ такихъ описаній новыхъ коллекцій былъ напечатанъ имъ въ академическихъ изданіяхъ; впоследствии имъ былъ составленъ оставшіяся въ рукописи обширный *Catalogus catalogorum* персидскихъ рукописей¹.

Тѣмъ не менѣе результаты академической дѣятельности К. Г. были не таковы, какъ можно было ожидать при его обширныхъ познаніяхъ, энергіи и горячей преданности дѣлу. К. Г. бралъ на себя больше работы, чѣмъ физически могъ бы выполнить; въ послѣдніе годы своей жизни онъ не всегда могъ даже помнить о переданныхъ въ его распоряженіе и печатавшихся подъ его наблюденіемъ матеріалахъ. Переходя отъ одной научной задачи къ другой, онъ былъ вынужденъ оставлять незаконченными начатыя работы. Кромѣ того среди представителей иранской филологіи, какъ среди многихъ другихъ русскихъ ученыхъ, иногда замѣчалось преждевременное ослабленіе интереса къ собственнымъ работамъ, подъ вліяніемъ отсутствія учениковъ и читателей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, несомнѣнно, печатаніе замедлялось вслѣдствіе строгихъ требованій, всегда предъявлявшихся К. Г. къ своимъ и чужимъ работамъ, въ особенности къ работамъ, печатавшимся въ академическихъ изданіяхъ.

Академическая дѣятельность К. Г. начиналась при необыкновенно счастливыхъ условіяхъ, и самъ К. Г. писалъ объ «исключительно благоприятной судьбѣ» академическихъ предпріятій по изученію ново-иранскихъ

¹ По сообщенію С. Ф. Ольденбурга.

языковъ¹. Прерванное смертью Дорна печатаніе прежнихъ матеріаловъ могло продолжаться подъ руководствомъ энергичнаго ученаго, паходившагося въ цвѣтъ силъ, который еще до своего вступленія въ Академію принесть ей свои «Ягнобскіе этюды»; въ то же самое время въ Академію поступилъ новый богатый матеріалъ въ видѣ результатовъ трехлѣтняго (1883—1886) пребыванія въ Персіи В. А. Жуковскаго. Представленные Академіи К. Г-чемъ «Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій» В. А. Жуковскаго предполагалось напечатать въ пяти томахъ. Первый томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1888 г.² и, вмѣстѣ съ работами К. Г., казалось, надолго обезпечилъ за Петроградомъ первенство въ дѣлѣ изученія иранскихъ языковъ. Когда въ Германіи было предпринято изданіе серіи грамматикъ восточныхъ языковъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Porta linguarum orientalium», то составить для этой серіи персидскую грамматику было предложено К. Г-чу и В. А. Жуковскому. Грамматика вышла въ свѣтъ въ 1889 г.³; составителями были использованы выписки словарнаго и грамматическаго характера изъ Шах-Намэ Фирдауси⁴, сдѣланныя когда-то бар. Розеномъ; къ грамматикѣ была приложена хрестоматія, въ которую вошли и нѣкоторые неизданные тексты, по двумъ университетскимъ рукописямъ. К. Г. отдался этой работѣ съ рѣдкимъ увлеченіемъ; изъ всѣхъ его работъ это — едва ли не единственная, гдѣ авторъ въ предисловіи говоритъ объ удовольствіи, которое онъ испытывалъ при ея составленіи⁵. Когда былъ составленъ планъ изданія «Grundriss der iranischen Philologie», казалось столь же несомнѣннымъ, что составленіе грамматики средне-персидскаго (пехлевійскаго) языка должно быть предоставлено К. Г. и что очеркъ живыхъ персидскихъ нарѣчій нигдѣ не можетъ быть написанъ такъ, какъ въ Петроградѣ⁶. К. Г. доставилъ для Grundriss'a, хотя и со значительнымъ запозданіемъ⁷, грамматическій очеркъ средне-персидскаго языка; еще до его выхода въ свѣтъ К. Г. въ особой академической статьѣ⁸ была сдѣлана поправка къ одному изъ параграфовъ, основанная на одной изъ

¹ Mél. Asiat, IX, 257.

² В. А. Жуковскій, Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Ч. I. Спб. 1888.

³ C. Salemann und V. Shukovski, Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar. Berl. 1889. На русскомъ языкѣ вышло въ 1890 г., въ изданіи хв. вост. яз., въ нѣсколько переработанномъ видѣ, но безъ хрестоматіи и словаря.

⁴ Такъ по предисловію къ нѣмецкому изданію; въ предисловіи къ русскому говорится только о «полезныхъ указаніяхъ и совѣтахъ» бар. Розена. О студенческомъ трудѣ бар. Розена см. Проток. засѣд. сов. II, 134 сл.

⁵ Въ предисловіи къ русскому изданію этихъ словъ нѣтъ.

⁶ Grundr. der iran. Phil. I, Teil II, S. 287.

⁷ Отдѣлъ «Mittelpersisch» былъ напечатанъ только въ 1901 г.; печатаніе предшествующихъ ему отдѣловъ было закончено въ 1896 г. (Grundr. der iran. Phil. I, Teil I, S. 247).

⁸ Zum mittelpersischen Passiv (Изв. Акад. Н., XIII, 1900, стр. 269—276).

еврейско-персидских рукописей Императорской Публичной Библиотеки; впервые было установлено, что еврейско-персидские тексты могут дать материал и для изучения пехлевийского языка. К. Г. предполагал издать текст полностью, но не осуществил своего намерения, как не выпустил в свет и своего «Библиографического обзора парсийских рукописей, хранящихся в Европѣ», хотя поездка в Копенгагенъ в 1889 г. дала ему возможность, по его словамъ, «приступить къ окончательной обработкѣ» этого обзора¹. Обзоръ пехлевийской литературы составилъ для Grundriss'a англійскій ученикъ Хауга Уэстъ, котораго Нельдеке еще в 1887 г. назвалъ «лучшимъ изъ находящихся въ живыхъ знатоковъ пехлевийскаго языка»². Отъ составленія обзора живыхъ иранскихъ нарѣчій русскіе ученые отказались, и работа была выполнена проф. В. Гейгеромъ, в значительной степени по материаламъ, полученнымъ отъ К. Г.³ Не вышелъ в светъ и давно готовившійся К. Г. къ изданію пехлевийскій словарь.

Изученіе еврейско-персидскихъ текстовъ благодаря К. Г. приобрѣло новый интересъ; ему удалось впервые установить фактъ существованія еврейско-персидской литературы не-богословскаго содержанія. За изданной имъ поэмой «Худайдатъ»⁴ должны были послѣдовать другіе памятники въ томъ же родѣ; въ ученомъ мірѣ съ интересомъ ждали ихъ появленія⁵; но первый выпускъ серіи «Judaeo-Persica» при жизни К. Г. оставался послѣднимъ, хотя было отпечатано довольно много листовъ второго и третьяго.

Не вышли в светъ и «Ягнобскіе этюды», хотя К. Г. для проверкѣ и дополненія своихъ записей совершилъ двѣ поездки в Туркестанъ (1897 и 1908) и хотя еще до этихъ поездокъ было отпечатано десять листовъ. Поездка 1897 г. привела къ установленію двухъ говоровъ ягнобскаго нарѣчія⁶ — наблюденіе, подтвержденное в 1913 г. французскимъ изслѣдователемъ (въ 1916 г. павшимъ жертвою войны) Р. Готью⁷. Результатомъ поездки 1908 г. былъ интересный докладъ К. Г. въ октябрьскомъ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Русск. Археологическаго Общества, причемъ

¹ К. Г. Залеманъ, О результатахъ поездки, совершенной лѣтомъ 1889 г. въ Копенгагенъ, стр. 2.

² Th. Nöldeke, Aufsätze zur persischen Geschichte, S. 154, N. 4. Объ отношеніи Уэста къ Хаугу см. F. Veit, Festschrift zur Haug-Feier, S. 32. К. Г., при всемъ уваженіи къ «altmeister des Pahlavi» (Зап. ИАН, 8-ая серія, т. VI, № 6, стр. 16 сл.), все-таки противопологалъ его принципамъ чтенія пехлевийскихъ текстовъ свои.

³ Grundr. der iran. Phil., I, Teil II, S. 287.

⁴ Зап. Акад. Наукъ, VII серія, т. 42, № 14: Judaeo-Persica nach St.-Petersburger Handschriften. I. Chudaidät. Ein jüdisch-bucharisches Gedicht.

⁵ Th. Nöldeke въ ZDMG LI, 553.

⁶ Изв. Акад. Н. VIII (1898), Прот., стр. VIII.

⁷ Acad. des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1913, p. 675.

слушателя посредствомъ фонографа были ознакомлены съ записанными текстами (это былъ первый случай примѣненія фонографа на засѣданіи Отдѣленія); предполагалось напечатать докладъ въ «Запискахъ» Отдѣленія¹, но это общеніе не было исполнено.

Небольшая замѣтка К. Г. о «Новыхъ матеріалахъ по ягнобскому языку»² и нѣсколько болѣе обширная статья его же о «Шугнанскомъ словарѣ Д. Л. Иванова»³, какъ создавалъ, конечно, и самъ К. Г., болѣе возбуждали, чѣмъ удовлетворяли любопытство. Последняя статья, по мысли К. Г., должна была дать «нѣкоторыя указанія» будущимъ изслѣдователямъ, прежде всего тѣмъ, кому «суждено будетъ побывать въ Шугнанѣ и Рощанѣ». Появленіе такихъ изслѣдователей К. Г. всегда горячо привѣтствовалъ и охотно отдавалъ въ ихъ распоряженіе свой трудъ и свое время. Когда въ 1903 г. возникъ «Русскій Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи», К. Г. сдѣлался его дѣятельнымъ членомъ и въ 1914 г. принялъ на себя руководство предпринятыми Комитетомъ лингвистическими работами въ восточной части Бухарскаго ханства; ему обязанъ своей научной лингвистической подготовкой изслѣдователь, работающій въ этомъ краѣ и въ настоящее время — И. И. Зарубинъ. Иногда приходилось ограничиваться пожеланіемъ, чтобы явились продолжатели прерванныхъ работъ; такъ въ рѣчи, произнесенной 31 января 1914 г. въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ и посвященной памяти изслѣдователя осетинскаго языка В. Ө. Миллера, К. Г. выражалъ надежду, что среди молодыхъ русскихъ ученыхъ найдутся продолжатели трудовъ покойнаго академика. Въ то же время, однако, отчасти по вѣнѣ К. Г., отчасти помимо его воли, въ рукописяхъ, корректурахъ и отпечатанныхъ листахъ на долгіе годы былъ погребенъ богатый матеріалъ по изученію иранскихъ нарѣчій, уже находившійся въ распоряженіи Академіи. Сюда относятся и бумаги болѣе ранняго изслѣдователя осетинскаго языка, академика Шегрена, и матеріалы по составленію осетинскаго словаря, собранные В. Ө. Миллеромъ и послѣ его смерти поступившіе въ распоряженіе Академіи; для обработки этихъ матеріаловъ Академіей, по предложенію К. Г., еще въ ноябрѣ 1914 г. было приглашено особое лицо, но до настоящаго времени эти матеріалы въ печать не поступали. На гораздо болѣе долгій срокъ нерѣдко откладывалось печатаніе другихъ матеріаловъ по ирановѣдѣнію. Вышедшая въ свѣтъ въ 1888 г. 1-ая часть «Матеріаловъ» В. А. Жуковскаго остается и до сихъ поръ единственной; части 2-ая и 3-я были отпечатаны, но (не по вѣнѣ К. Г.) не

¹ ЗВО, XIX, стр. XVI сл.

² ЗВО, III, 128.

³ Вост. Замѣтки, Спб. 1895, стр. 269—320.

выпущены; таким же образом не было выпущено въ свѣтъ продолженіе (т. II, вып. II и т. III) «Beiträge zur Kenntniss der iranischen Sprachen» Дорна. К. Г. въ первые годы своей академической дѣятельности закончилъ печатаніе «Kurdische Sammlungen» Пряма и Софина; но многіе другіе курдскіе матеріалы остались подъ спудомъ; не вышла въ свѣтъ 3-я часть «Forschungen über die Kurden» Лерха. Академія еще въ 1897 г., по предложенію К. Г., постановила напечатать отдѣльнымъ изданіемъ книгу Гуго Макаша «Kurdische Texte im Kurmânji Dialekte aus der Gegend von Mârdin»; это изданіе не появилось. Въ февралѣ 1915 г. одинъ изъ русскихъ ученыхъ обратилъ вниманіе Академіи на фактъ, что изученіе курдовъ, долгое время сосредоточивавшееся въ Россіи, начинаетъ переходить къ нѣмцамъ и англичанамъ¹. Остались подъ спудомъ и нѣкоторые матеріалы по другимъ иранскимъ нарѣчіямъ, какъ «Образцы народной словесности иранскихъ племенъ Средней Азіи» М. С. Андреева.

Фрагментарными остались даже работы К. Г. въ области персидской лексикографіи, въ изученіи которой онъ, какъ было сказано выше, видѣлъ одну изъ лучшихъ задачъ иранской филологіи. Во время печатанія послѣднихъ листовъ труда Шемса Фахри по петроградской университетской рукописи, заключавшей въ себѣ только четвертую часть, К. Г. узналъ отъ С. О. Ольденбурга о существованіи въ Парижѣ полного экземпляра того же труда. К. Г. напечаталъ въ академическомъ «Bulletin» предисловіе къ этому сочиненію по списку, сдѣланному С. О. Ольденбургомъ²; въ 1888 году рукопись была доставлена въ Петроградъ и полностью переписана В. А. Жуковскимъ; тѣмъ не менѣе обѣщаніе К. Г., что за первымъ выпускомъ послѣдуетъ (предполагалось — еще въ 1888 г.) второй, который будетъ заключать въ себѣ варианты къ тексту по парижской рукописи и предисловіе со свѣдѣніями о жизни и сочиненіяхъ автора, осталось невыполненнымъ. Въ 1895 г. К. Г. издалъ другой, болѣе поздній персидскій лексикографическій трудъ, словарь Абд-ал-Кадира багдадскаго къ Шах-Намэ Фирдауси³. И въ этомъ случаѣ предполагалось, что за первымъ выпускомъ послѣдуютъ другіе; вторая часть 1-го тома должна была заключать въ себѣ текстъ другого сочиненія того же автора, второй томъ — примѣчанія и реестръ словъ. Все изданіе должно было быть началомъ серіи, въ которую предполагалось включить «нѣсколько важныхъ первоисточниковъ персидской лексикографіи». Ни обѣщанному продолженію изданія,

¹ ИАН, 1915. стр. 577.

² Mém. Asiat. IX, 433 сл.

³ Abdulqâdiri Bagdadensis Lexicon šahnâmiânium. T. I. Pars

ни дальгйшимъ выпускамъ предполагавшейся серіи не суждено было появиться¹.

Археологическія открытія, сдѣланныя въ началѣ XX в. въ Китайскомъ Туркестанѣ, предъявили къ иранской филологіи новыя требованія, на которыя такой иранистъ, какъ К. Г., не могъ не отозваться. Къ извѣстнымъ ральше пехлевійскимъ текстамъ присоединились новыя, хрстіанскаго и манихейскаго содержанія, болѣе свободныя отъ традиціонныхъ искаженій, чѣмъ тексты зороастрійскіе; особенный интересъ представляли манихейскіе тексты, такъ какъ въ нихъ всѣ семитическія идеограммы замѣнены иранскими словами; этимъ окончательно была доказана правильность мнѣнія, которое отстаивалъ и К. Г., — что пехлевійскій языкъ не былъ языкомъ смѣшаннымъ и что написанныя по-арамейски слова произносились по-персидски². Какъ съ понятнымъ удовлетвореніемъ могъ установить К. Г.³, новооткрытый псочникъ «неопровержимо доказалъ, что мы при объясненіи пехлевійскаго языка находились на вѣрномъ пути». Тѣмъ же археологическимъ изслѣдованіямъ наука обязана открытіемъ древнѣйшаго еврейско-персидскаго документа⁴ и въ особенности открытіемъ новыхъ литературныхъ средне-азиатскихъ языковъ, среди нихъ одного иранскаго, такъ называемаго «содгійскаго», на которомъ сохранились, кромѣ дѣловыхъ документовъ, буддійскіе, манихейскіе и хрстіанскіе тексты; согдійскій языкъ представлялъ для К. Г. особый интересъ въ виду его несомнѣнной близости къ ягнобскому и установленной К. Г. близости обоихъ къ осетинскому⁵. Послѣ удачной дешифровки манихейскаго шрифта Ф. В. К. Миллеромъ въ 1904 г.⁶ К. Г. посвятилъ «манихейскимъ» и другимъ отрывкамъ рядъ статей; въ нѣкоторыхъ опубликована и разобрана небольшая часть матеріала, доставленнаго въ Азіатскій Музей русскими изслѣдователями⁷, въ другихъ⁸ приведены въ исправленной транскрипціи тексты, уже опублико-

¹ К. Г. предполагалъ издать древнѣйшій памятникъ персидской лексикографической литературы, словарь Асиди, но этому помѣшало сѣшное изданіе этого памятника (въ 1897 году) Хорномъ (сообщеніе С. Ф. Ольденбурга).

² О такомъ значеніи восточно-туркестанскихъ археологическихъ открытій ср. F. Veit, Festschrift zur Haug-Feier, S. 34.

³ Manichaeische Studien, S. V.

⁴ Ему посвящена статья К. Г. въ настоящихъ «Запискахъ», XVI, 046—057.

⁵ ИАН 1907, стр. 532.

⁶ F. W. K. Müller, Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chinesisch-Turkistan (SB Berl. 1904, IX). По поводу ошибочнаго термина «Estrangelo», принятаго также В. В. Радловымъ (напр. ИАН 1908, стр. 843) и К. Г. (Зап. ИАН. по ист.-фил. отд., 8-я серия, т. VI, № 6, стр. 1) см. замѣчанія П. К. Коковцова въ ИАН 1909, стр. 779.

⁷ Упомянутая статья въ Зап. Ак. Наукъ, также 1-я и 3-я статьи серіи «Manichaica» (ИАН 1907, стр. 175 сл.; 1912, 1 сл.).

⁸ Manichaeische Studien (Зап. ИАН 8-я серия, т. VIII, № 10) и Manichaica II (ИАН 1907, 531 сл.).

ванные за границей; послѣдніе два выпуска серіи «Manichaica»¹ посвящены сопоставленію доставленнаго текстами словарнаго и грамматическаго матеріала. Переизданіе уже изданныхъ и переведенныхъ текстовъ вызвало нѣкоторое неудовольствіе въ Берлинѣ², но К. Г. могъ быть вполне удовлетворенъ пожеланіемъ французскаго ученаго³, чтобы такіе тексты «après un premier éditeur tel que M. F. W. K. Müller soient étudiés encore par un maître comme M. Salemann». Послѣдній выпускъ «Manichaica» даетъ матеріалъ для ряда культурно-историческихъ сближеній и потому, по отзыву Н. Я. Марра⁴, «своимъ значеніемъ выходитъ за предѣлы чисто-лингвистическихъ интересовъ». О такихъ же широкихъ научныхъ интересахъ и такой же неослабленной работоспособности свидѣтельствуетъ послѣдняя работа К. Г. по ирановѣднію, статья «Eranica»⁵, гдѣ разсматриваются вопросы, относящіеся къ чтенію ахеменидскихъ надписей, Авесты и пехлевійскихъ текстовъ.

Первая статья серіи «Manichaica» заключаетъ въ себѣ и турецкій лингвистическій матеріалъ. К. Г. въ періодъ своей академической дѣятельности посвятилъ туркологіи нѣсколько работъ; изъ нихъ самая обширная касается такъ называемыхъ «сельджукскихъ стиховъ»⁶, къ которымъ К. Г. вернулся еще разъ въ статьѣ, поднесенной В. В. Радлову ко дню его восьмидесятилѣтія; дожить до этого дня и до выхода въ свѣтъ приуроченнаго къ нему сборника статей К. Г.-чу не пришлось. Преимущественно туркологическій матеріалъ заключаетъ въ себѣ напечатанная въ 1898 г. статья К. Г. «Легенда про Хакимъ-Ата»⁷; наконецъ, К. Г. въ 1910 г. принялъ участіе въ изученіи одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ турецкаго языка, такъ называемаго «Codex Comanicus»⁸.

Вмѣстѣ съ В. В. Радловымъ К. Г. старался содѣйствовать опубликованію и изданію всякихъ другихъ лингвистическихъ матеріаловъ, въ томъ числѣ кавказскихъ⁹ и сибирскихъ. В. В. Радловымъ и К. Г. еще въ

¹ ИАП 1912, 32 сл.; 1913, 1125 сл.

² SB Берл. 1909, стр. 726 сл.

³ Meillet въ JAs 1909¹, 314; приведено В. В. Радловымъ въ Chuastuanit, St. P. 1909, S. 51.

⁴ Христ. Вост. II, 406.

⁵ ИАП 1914, 795 сл.

⁶ Noch einmal die Seldschukischen Verse (Mél. Asiat. X, 173 сл.).

⁷ ИАН 1898 (IX), 105 сл.

⁸ ИАН 1910, 943 сл.

⁹ Въ 1887 г. попечителемъ Кавказскаго Учебнаго Округа былъ присланъ въ Академію матеріалъ по мингрельскимъ говорамъ, собранный А. Н. Гренгомъ; на основаніи отзыва В. В. Радлова и К. Г. Академія постановила одобрить этотъ матеріалъ къ печатанію послѣ обработки и выразила пожеланіе, чтобы собирателю для этой цѣли была дана возможность прибыть на болѣе продолжительное время въ Петербургъ. К. Г. живо интересовался изученіемъ цыганскихъ діалектовъ и еще въ 1887 г. въ настоящихъ «Запискахъ» (II,

1888 г. была составлена инструкция для лингвистических работ А. В. Адрианова въ Нарымскомъ краѣ. Академіей, по представленію К. Г., были напечатаны глянцкіе и гольдскіе матеріалы В. Грубе¹; печатаніе поступившаго въ началѣ 1897 г. «Goldisch-Deutsches Wörterverzeichnis» было постановлено закончить до мая того же года, такъ какъ къ этому времени должно было начаться путешествіе автора въ Китай; въ дѣйствительности книга вышла только въ 1900 г. Въ 1898 г. Академіей былъ принятъ для напечатанія лингвистическій матеріалъ, собранный снаряженной на средства И. М. Сибирякова Якутскою экспедиціею Русск. Географическаго Общества. Матеріалъ касался языковъ якутскаго (собираетеля В. Г. Богоразъ и Э. К. Пекарскій), юкагирскаго (В. И. Гохельсонъ) и глянцкаго (Л. Я. Штернбергъ); печатаніе происходило подъ наблюденіемъ К. Г., еще въ 1915 г. возобновившаго печатаніе окончательно приобрѣтённыхъ Академіей матеріаловъ В. И. Гохельсона, присоединившаго за это время къ своимъ юкагирскимъ записямъ также записи по языкамъ алеутскому и камчадалскому. Предполагалось, что подъ руководствомъ К. Г. будутъ обработаны и напечатаны также матеріалы по языку енисейскихъ остяковъ, собранные В. И. Апучинымъ на средства Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азии (1905—1907). Во всѣхъ этихъ случаяхъ К. Г. предлагалъ собирателю рядъ вопросовъ, по заранѣ выработанной программѣ, чтобы убѣдиться, насколько собиратель овладѣлъ языкомъ и усвоилъ его духъ; послѣ этого К. Г-чу легко удавалось усвоить строй языка настолько, насколько это было необходимо для чтенія корректуръ, исправленія опечатокъ и недосмотровъ. Авторъ этихъ строкъ и другія лица слышали отъ самихъ собирателей, что безъ помощи К. Г. ихъ матеріалы вышли бы въ свѣтъ въ гораздо менѣ исправномъ видѣ. Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ, по различнымъ причинамъ, при жизни К. Г. была напечатана только небольшая часть матеріала, поступившаго въ Академію; въ нѣкоторыхъ случаяхъ вопросъ о продолженіи печатанія до сихъ поръ остается открытымъ.

Богатое научное наслѣдіе, оставленное К. Г-чемъ, нуждается въ оцѣнкѣ и использованіи специалистами; едва ли это можетъ быть выполнено въ близкомъ будущемъ,

Въ послѣдніе годы у К. Г. оставалось для научныхъ занятій еще

149 сл.) напечаталъ подробный отзывъ, съ цѣнными грамматическими замѣчаніями, о трудѣ К. П. Патканова: «Шыганы». Въ академическихъ изданіяхъ подъ наблюденіемъ К. Г. были изданы матеріалы Финка (Fink, Die Sprache der armenischen Zigeuner, 1907) и Добровольскаго (Киселевскіе цыгане, 1907).

¹ Приложение къ III тому «Reisen und Forsch. im Amur-Lande» Шренка (вып. 1 и 2).

меньше времени чѣмъ прежде. Приходилось посвящать еще болѣе времени библіотекамъ, особенно послѣ того, какъ возникъ проектъ постройки новаго библіотечнаго зданія. Проектъ былъ выработанъ при непосредственномъ участіи К. Г., которымъ былъ прочитанъ о немъ докладъ на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по библіотечному дѣлу лѣтомъ 1911 г. Зданіе было выстроено; перенесеніе туда библіотеки ожидалось въ близкомъ будущемъ; лѣтомъ 1914 г. К. Г. собирался поѣхать за границу для посѣщенія «нѣкоторыхъ вновь выстроенныхъ библіотекъ, для собиранія практическихъ указаній относительно перевоза и внутренняго оборудованія новой академической библіотеки». Всѣ эти планы были разстроены военными событіями, и построенное зданіе на время получило иное назначеніе.

Войною было разрушено также другое дѣло, надъ осуществленіемъ котораго работалъ К. Г. и крушеніе котораго было для него тяжкимъ ударомъ, можетъ быть, ускорившимъ его смерть. Еще въ 1899 г., когда нѣмецкими учеными былъ составленъ проектъ образованія международной ассоціаціи ученыхъ учреждений, К. Г., вмѣстѣ съ А. С. Фаминцынымъ, былъ командированъ Академіей въ Висбаденъ на конференцію, созванную для обсужденія этого проекта; послѣ этого К. Г. нѣсколько разъ ѣздилъ за-границу на засѣданія Комитета и Общаго Собранія ассоціаціи, принималъ горячее участіе въ веденіи дѣлъ ассоціаціи, когда настала очередь Россіи, и въ созывѣ Общаго Собранія, состоявшагося въ Петербургѣ весной 1913 г. Лично для К. Г. только со времени учрежденія ассоціаціи началась эпоха заграничныхъ ученыхъ отличій, на которыя его научныя заслуги могли бы дать ему право гораздо раньше: въ 1902 г. онъ былъ возведенъ Гиссенскимъ университетомъ въ степень доктора философіи *honoris causa*, въ 1904 г. избранъ членомъ-корреспондентомъ британской академіи, въ 1908 г. — иностраннымъ членомъ-корреспондентомъ венгерской академіи и почетнымъ членомъ Королевскаго Азіатскаго Общества въ Лондонѣ.

К. Г. и въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными учеными учрежденіями и отдѣльными лицами оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ всегда — безпристрастнымъ ученымъ, которому дорого только то, что служить къ чести и славѣ науки. Въ 1908 г. имъ и по его докладу Академіей была рѣшительно отвергнута критическая замѣтка молодого нѣмецкаго иранияста по поводу одного изъ англійскихъ изданій; признавая нѣкоторыя замѣчанія автора правильными, К. Г. находилъ, что «тонъ, въ которомъ они высказываются, и постоянно повторяющіяся указанія на высокое достоинство собственныхъ статейъ автора придаютъ этой замѣткѣ характеръ, неподходящій для «Извѣстій» Академіи». Въ связи съ приведеннымъ равьше отзывомъ К. Г. о нападкахъ на Вуллера эти слова показываютъ, что не лич-

ныя дружескія связи побудили К. Г. въ 1910 г. (въ статьѣ «Zur Kritik des Codex Comanicus») выступить противъ нападковъ на одного изъ его товарищей по Академіи.

Въ 1910 г. К. Г. сдѣлалъ въ Академіи докладъ объ одномъ изъ предприятий ассоціаціи — изданіи «Энциклопедія ислама». Дороговизна этого изданія объясняется рѣшеніемъ выпускать его въ свѣтъ одновременно на трехъ языкахъ, вслѣдствіе чего, кромѣ гонорара за статьи, приходится платить гонораръ двумъ переводчикамъ. Приостановить изданія англійское и французское было невозможно, такъ какъ только подъ условіемъ печатанія на англійскомъ и французскомъ языкахъ правительства Индіи и Франціи соглашались назначить «Энциклопедіи» субсидію; Академія уполномочила К. Г., по его собственному предложенію, внести въ комитетъ ассоціаціи заявленіе о желательности приостановить; впредь до болѣе благоприятнаго времени, печатаніе нѣмецкаго изданія. Ассоціаціей это предложеніе не было принято, вѣроятно потому, что, какъ извѣстно пишущему эти строки, значительное большинство статей представляется въ редакцію «Энциклопедіи» именно на нѣмецкомъ языкѣ; по самымъ фактомъ предложенія лучше всего опровергается мнѣніе тѣхъ, кто видѣлъ въ К. Г. прежде всего нѣмецкаго ученаго.

Остается сказать нѣсколько словъ о почившемъ учителѣ многихъ, старшемъ товарищѣ почти всѣхъ нашихъ сочленовъ, какъ о человѣкѣ. К. Г. оставался до конца человѣкомъ, по нѣмецкому выраженію, aus einem Guss. До щепетильности корректный въ товарищескихъ отношеніяхъ, онъ до рѣзкости отстаивалъ то, что казалось ему справедливымъ, не допускалъ никакихъ компромиссовъ, никакого заискиванія передъ властью имущими, расходясь въ этомъ съ большинствомъ своихъ соплеменниковъ въ Россіи¹. Внѣшняя суровость и требовательность не мѣшали сердечной добротѣ, которую испытали многіе, прежде всего тѣ изъ его близкихъ, кому онъ, наряду съ наукой, посвятилъ свою жизнь; но личное горе и личные страданія онъ любилъ переносить наединѣ съ самимъ собой. Изъ прежнихъ русскихъ академиковъ нѣмецкаго происхожденія болѣе всего походилъ на К. Г. А. А. Куникъ; К. Г. всегда говорилъ съ рѣдкимъ уваженіемъ не только о жизни и трудахъ этого ученаго, но и о его мужественной борьбѣ со смертью. Подобно Кунику, К. Г. до конца боролся со смертельнымъ недугомъ, неохотно прибѣгалъ къ помощи врача и близкихъ и умеръ одинъ.

В. Бартольдъ.

¹ Авторъ этихъ строкъ имѣлъ случай наблюдать, какое впечатлѣніе произвели на К. Г. характерные для его предшественника Дорна документы, напечатанные въ Матер. для ист. фак., I, 198 сл. и 188 сл.